

НЕИЗВЕСТНИ СТРАНИЦИ ИЗ АРХИВНОТО НАСЛЕДСТВО НА ЛЮБЕН КАРАВЕЛОВ

Архивът на Любен Каравелов съдържа интересни данни за идеологията и циклопедичната дейтелност на крупния деец на националното ни възраждане. Крайно нечетливият Каравелов почерк затрудняваше използването на много ценни документи, писани в значителната си част на руски език, и оставяше в неизвестност интересни догадки, мисли, впечатления и произведения на писателя, общественика, журналиста. Разчитането на всички ръкописи, които ще бъдат издадени в подготвения том първи от архивното наследство на Каравелов, дооформя представата за цялостната личност на техния създател, като същевременно доизяснява някои спорни въпроси около идейно-творческия му път. Каравеловите „Мемоари“, съхранявани в Арх. отдел при БАН, съдържат множество сведения за един от най-малко изследваните периоди от живота на автора им — дейността му в Сърбия.

Ръкописът препечатваме автентично, като сме си позволили само осъвременяване на правописа, налагащо се при публикации от подобен характер. Писан приблизително 10 години след като Каравелов напуска Русия, когато новата езикова среда и всекидневната употреба на още два езика (сръбски и румънски) оказват въздействие върху част от лексиката и граматичната конструкция на усвояения преди това руски език, в посочения документ, а и в значителна част от останалите се натъкваме на неправилно употребени падежни форми, българизми и несполучлив синтактичен строеж на изречението. Привикнал към езика на великата славянска страна обаче, Каравелов си служи с него почти до края на живота си. Тъй като почеркът на редактора на „Свобода“ е крайно нечетлив, мастилото върху някои страници избяляло от въздействието на атмосферните условия и краищата на няколко листа са орфани или скъсани, някои думи останаха неразчетени. Тях отбелязваме с многоточие, заградено в скоби (. . .) Думи, в разчитането на които не сме напълно сигурни, поставяме в ъглести скоби < >, а онези от тях, които Каравелов е употребил съкратено, даваме по два начина — когато са отбелязани само началните букви от думата, поставяме пропуснатата част от нея в скоби, а когато съкращението засяга средната ѝ част, отбелязваме цялата дума под линия.

На много места в ръкописите срещаме инициалите на Каравелов ЛК. Тях той употребява като знак за подсещане при едва загатнати мисли, факти и събития, които е възнамерявал да развие при по-нататъшната си работа, или в онези случаи, когато не са му били известни някои наименования и данни.

Намерените ръкописи в архива на Каравелов, озаглавени „Россия“ и „Румъния“, в които са отбелязани впечатления от живота в тези страни, както и неговите Мемоари ни карат да предполагаме, че авторът им е възнамерявал да напише произведения подобно на съчинението на Херцен „Былое и думы“. Докато двата ръкописа „Россия“ и „Румъния“ обаче имат сравнително по-общ характер, Мемоарите говорят за конкретни лица, с които Каравелов се е намирал в лични връзки и които са играли видна роля в обществено-политическия и културен живот на Сърбия. Имената на някои от тях са посочени изцяло, на други с инициали, а на трети с произволно избрани букви от латинската азбука — N, NN, M — което затруднява или прави почти невъзможно откриването на действителните личности, описани или загатнати от автора. Данните за повечето от тях обаче насочват към учени и общественици, които е имал предвид Каравелов. Някои от характеристиките са по-обстойни, други — само шрихириани. Те засягат не

само нравствения и интелектуалния кръгозор на много от преподавателите във Великата школа, но и непосредствения им физически облик. От индивидуалната характеристика Каравелов преминава понякога към груповата и националната. Към нея той прибегва, когато говори например за сръбските студенти и част от офицерите, свързвайки определени черти от техния характер с абстрактния дух на обучението в учебните заведения. И тук, както и в публицистичните и белетристичните му творби проличава умението на талантливия журналист и писател чрез разнообразните похвати на художественото майсторство да предаде на преките си впечатления, макар набързо отбелязани и несистематизирани, интересна и заинтригуваща форма. Вероятно само за подсеждане при по-нататъшната обработка на Мемоарите Каравелов споменава за своето изгонване от Белград и попадането в затвора по повод подозрението в убийството на Михаил Обренович, прави крайно лаконични бележки за сръбската омладина и някои от нейните водачи, като на известни места, прекъсвайки нишката на впечатленията, преминава към лирични отклонения. За смисъла и значението на някои от телеграфно написаните думи и изрази могат да се правят само догадки и предположения, значителна част от крайно синтезираните данни и мисли говорят сами по себе си.

Още в началната част на своите бележки мемоаристът се спира върху една от най-интересните фигури в революционното движение и литературата на Сърбия — последователя на руските революционни демократи, утописта-социалист Светозар Маркович. Независимо че отбелязаните данни засягат преди всичко отношенията между Маркович и видния деятел на сръбската либерална партия Владимир Йованович, те определят достатъчно ясно както програмата на сръбския утопист-социалист, така и мирогледните позиции на тогавашните либерали. Становището на Каравелов към Светозар Маркович не е получило пряка изява. То се чувства обаче както в подбора и изложението на фактите, които характеризират мирогледа на сръбския революционер, така и в съпоставката с възгледите на либерала Владимир Йованович. Подчертана е литературно-критическата възкасалност на последователя на Чернишевски, продуктувана от материалистическите му възгледи за изкуството, посочени са и допирните точки между него и представителя на либералната партия, за да се премине непосредствено след това към разнотечията между двамата, което фактически е разноезичие между две течения от обществено-икономическия живот на страната. Фактът, че сам Каравелов отбелязва като най-съществено различие равнодушното отношение на либералната партия към социалните въпроси, говори за трезвото му отношение към партията на либералите и е в противоречие със становището, че Каравеловата дейност в Сърбия трябва да се свърже изключително с целите и политиката на либералите. Поддържник и проводник на тезата за активното въздействие на литературата върху живота, мемоаристът с неудоволствие отбелязва и пасивното отношение на групата около Владимир Йованович в литературната борба.

Може би някои ще оспорят посочените от Каравелов данни с обстоятелството, че той изразява едно сравнително по-късно мнение към известни лица, събития и обществени явления, тъй като пише Мемоарите си през 1876 година. Трябва да се има предвид обаче, че неговата теоретическа и практическа дейност в Сърбия като общественик и литератор е в пълно съответствие с изказаните в Мемоарите мисли и изключва предположението за по-късното им зараждане и саморазвитие. При това поддържниците на тезата за неотменно развиващия се либерализъм на Каравелов биха изпаднали в противоречие със собствените си доводи — либералът Каравелов критикува основни моменти от дейността на своята партия и то през 1876 г., срещу които преди това се беше обявил и социалистът-утопист Светозар Маркович!

Централно място в Мемоарите обаче заема личността и дейността на преподавателя по история във Великата школа, активният участник в сръбския политически живот и омладинското движение Стоян Бошковиц (1833—1908). Той е един от първите

обществени дейци, с които Каравелов установява приятелски контакт още с претегането си в Белград, както определено показва и писмото му до А. Котляревски.¹

Бошкович привлича вниманието и спечелва уважението и любовта на българския общественик и книжовник преди всичко с обществената си отзивчивост, острото си социално чувство, богатата си ерудиция и безупречната си етика, качества, които по-късно Каравелов посочва с нескрит възторг в своите Мемоари. Виждайки в неговото лице един от неоспоримите представители на сръбската научна мисъл, в дописка до „Голос“ през 1867 г. той изказва дълбокото си огорчение, че на Московската етнографска изложба не е изпратен видният сръбския историк, „който се занимава специално с етнографията на славянските народи“.²

В обширната си статия „Сръбска книжевност“, отпечатана във в. „Србија, (бр. 51—52, 1867; бр. 1—6, 14—17, 1868) Каравелов намира естествен повод да спомене и за историята на Бошкович, за която неколкото пъти след това в своите вестници и мемоарни бележки³. Връзките си със сръбския общественик и историк Каравелов поддържа активно и след окончателното си установяване в Румъния.⁴ Той високо оценява научната дейност на сръбския историк и особено ласкаво се изказва за съчинението му „Историја света за народ и школу“, излязло в две части. „Ние би посъветвали нашите учени да преведат тия две книги на български за нашите училища, за да не мъчиме децата си със Смарагдовия боклук. Историята на г. Бошковича е написана за юнаците славяни въобще“.⁵ Ласкавата оценка на Каравелов за историята на Бошкович достига най-високата си точка в неговите Мемоари. Тя е обоснована както от богатото съдържание на произведението, така и от увлекателния стил на автора, който, както отбелязва Каравелов, му придава своеобразна художественост. Не само в свободолобивия мироглед на Бошкович обаче трябва да се търси причината за изключителната стойност на неговото съчинение. Широката му култура и подчертана ерудиция са му помогнали да разгледа в многостранен план развитието на човешкото общество и да даде на читателя представяне, съобразена с нивото на тогавашната наука. Като изключим известни идеалистически отклонения, авторът, позовавайки се на естествените науки, социологията и достиженията на историята, разглежда твърде интересните въпроси за зараждането и развитието на живота и обществото, за появата на семейството, племето и държавата, за видовете държавни организации и др., като прави и исторически обзор на живота на гърци, римляни, египтяни, индийци, китайци, славяни, маджари и редица други народности.

Паралелът между Всеобщата история на Бошкович и петте компилативни Каравелови книжки под заглавие „Разкази за старовременните хора“ ни кара да изгледаме известна зависимост между тях. По всяка вероятност, когато е оформил историческите си произведения, Каравелов е имал предвид историята на Бошкович. Очертал профила на Бошкович в мемоарните си бележки като учен и човек, авторът определя и неговото място между социално-политическите течения. Независимо че отбелязва различието в позициите на Стоян Бошкович и Светозар Маркович по известни въпроси, Каравелов поставя преподавателя от Великата школа сравнително по-близо до претвържените на сръбския утопист-социалист, отколкото до другите обществени групировки. Изключително ласкавото мнение на Каравелов за научните качества, етиката и обществените възгледи на сръбския деец прави напълно вероятно предположение, че Бошкович е послужил за жизнен прототип при художественото пресъздаване на главния герой на повестта „Крива ли е съдбата?“ Любомир Калмич.

Ако авторът на Мемоарите обаче отбелязва името на Бошкович изцяло, имената на много от лицата в бележките са посочени изключително чрез инициали и само че

¹ Вж. „Публицистиката на Любен Каравелов“, София, 1958 г., стр. 583.

² Пак там, стр. 199.

³ Пак там, стр. 451.

⁴ Вж. „Свобода“, I, 52, 1870; II, 31, 32, 1872; III, 1, 1872.

⁵ „Свобода“, II, 30, 1872 г.

стично отбелязаните факти дават възможност да се установят или предположат личностите, които е имал предвид Каравелов. Инициалът В. например в контекста на единичните данни насочва към преподавателя по психология и логика във Великата школа, политика и книжовника Олимпи Василевич (1831—1911). За него в Мемоарите е отбелязано: „К одной категории с N, принадлежит профессор В., воспитаник К. У.“ (Киевского Университета — б. м.). Същият факт от биографията на Василевич Каравелов посочва още през 1869 г. в една от дописките си до в. „Голос“. Отбелязвайки преследването на онази част от сръбските културни деятели, получили образование в Русия, той пише „Олимпи Василевич, воспитаник Киевского Университета, был послан правительством в маленький городок Помаревац...“¹. Името на сръбския философ е познато на Каравелов още в Русия. В „Южнославянская библиография за 1867 г.“ заедно с излезлите през годината сръбски книги той отбелязва и труда на Василевич „Историја народног образованья код Срба. Книга прва“ А след пристигането си в Сърбия му посвещава и обстойната рецензия „Српска книжевност...“². Името на Василевич фигурира и в някои от дописките и писмата на Каравелов.³

Не е трудно да предположим кого има предвид Каравелов и под инициала А, тъй като редом с единичните биографични факти са преповторени и оценки, срещани в някои публикации на Каравелов. А. е преподавател по философия във Великата школа, но влиянието му върху студентите не е в областта на преподавания от него предмет, а в обсега на ораторското изкуство и поезията, понеже сам той е поет. Затова в Мемоарите Каравелов отбелязва и началната буква от псевдонима му Абердар, с който е бил известен като представител на художественото слово, а не действителното му име Милан Куянджич, с което е познат в средата на учените. Получил образование в Западна Европа, през 1866 г. Куянджич възглавява катедрата по философия във Великата школа. На следната година обаче той е уволнен заедно с Гершич. В дописка до „Голос“ Каравелов изяснява причините за незаконните мерки на правителството — Куянджич е трябвало да напусне Великата школа затова, че е взел участие в омладинската скупщина и при изборите в сръбската народна скупщина е гласувал за основателя на либералната партия Ефрем Груич. Тази страна от обществената дейност на Куянджич и любовта, с която се е ползвал сред студентите, намерила израз в цитирания в дописката адрес до двамата уволнени преподаватели, са представили в твърде благоприятна светлина сръбския деец пред Каравелов. Това не му пречи обаче да показва пълна обективност в оценката си за научната и писателска дейност на Куянджич. В него авторът на „Крива ли е съдбата?“ е по-склонен да вижда учения, отколкото поета. В статията си „Книжевност. Критика“⁴ например той взема отрицателно становище към неговата стихосбирка „Абердар. Први јек“, като обръща внимание преди всичко върху стила на Куянджич. „От наша страна лично молим г. Куянджич, когато започне да пише следващите си книги да се въздържа от риторичните правила, цветистия слог и поетическите красоти“. „А (бердар) б(ыл) человек с известной начитанностью — преповтаря по-късно мнението си в Мемоарите Каравелов — по его литературная деятельность на первых же порах показала страстный взгляд на вещи и страсть к высокопарному, фразистому изложению, при том за риторикой от него честа ускользала самая мысль“.

Заедно с имената на общественици и учени в мемоарните бележки фигурира и името на артиста Лазо Телечки (1841—1873). Него Каравелов познава от Нови сад, където от 1862 г. до края на живота си е член на Сръбския народен театър. Телечки прилича Каравелов не само с актьорския си талант, какъвто той несъмнено е притежавал и изживявал особено в онези свои роли, в които е изобразявал различни представители от народните низини. Той прави впечатление на мемоариста и с идеалите и стремежите си,

¹ Публицистиката на Любен Каравелов, стр. 368.

² В. Сърбия, 1867. бр. 51-52; 1868, бр. 1-6, 14-17.

³ Вж. Публицистиката на Л. Каравелов, стр. 199, 577-578, 583, 614.

⁴ Сп. Матица, III, бр. 13-17, 1868.

значително по-възвишени и сериозни от идеалите на редица тогавашни знаменитости. Затова Каравелов го включва в кръга на своите приятели и по-късно, установявайки се в Румъния, намира случай чрез главния редактор на списание „Матица“, Антоние Хаджич, да му израти дружеските си привети.¹

За някои инициали, предвид на недостатъчните конкретни данни, могат да се правят само предположения. Инициалът Г. например, употребен на две места в Мемоарите, сме склонни да свържем с политика и публициста, професора по римско и международно право във Великата школа, Глиша Гершич (1842—1918), за чието уволнение Каравелов пише в дописки до „Голос“ и в писмо до Андрей Краевски.² В единия случай обаче мемоаристът е имал предвид друго лице, тъй като отбелязаното за безличното съществуване на характеризирания личност противоречи на посочените след това данни за Г., т. е. за Глиша Гершич. С инициала П. може би е обозначен Джордже Павлович (1838—1921), професор по гражданско право във Великата школа от 1864 до 1871 година. Не е изключено обаче Каравелов да е имал предвид и брата на жена си Настас Петрович, с който е бил в непосредствени приятелски връзки и чрез който се запознава с Наталия Петрович. Тъй като бележките за лицето К. засягат преди всичко неговата физическа и психическа характеристика, впоследствие може да се установи дали те се отнасят за Милан Куонджич или за някои друго лице, което не е изключено да бъде и писателят и активният деец на сръбската омладина Лаза Костич (1841—1919), който през 1866 г. е избран за професор в Новосадската гимназия. Специалистите по сръбските литературни и културни въпроси през епохата на Възраждането вероятно ще разшифроват и загадъчните инициали О, N, NN. В своите мемоари Каравелов споменава мимсходом и някои лица, пряко свързани със сръбските военни среди и администрация: Милойко Лешанин (1830—1896) — генерал, известно време професор във Военната академия и министър на войната, виден пълководец в Сръбско-турската война; Черняев, руски генерал, командир на сръбската армия по време на военните действия през 1876 г.; Михаил Барлоуац, началник на полицията.

Макар че не е отбелязана датата кога Каравелов нахвърля мемоарните си бележки, листите, върху които са писани те, ни дават възможност за сравнителното ѝ установяване. Мемоарите са написани на шест листа: три по-малки, от леко пожълтяла хартия с големина 34×10.3 см. Единият от по-големите е също обикновен, изписан от двете страни, с размери: 42×14.3 см. Другите два, съединени по дължина, дават военен бюлетин, който Каравелов е разрязал наполовина, използвайки едната му празна страна. Размерите му са 43.2×27 см. Озаглавен е: „Београд, 9 октомври 1876, број 38. Телеграфске весте с бојног полъа“ и дава сведения за военните действия по тимощко-моравския и ибарския фронтове. Датата на бюлетина показва с положителност, че Мемоарите са писани не по-рано от 9 октомври 1876 година. Най-вероятно е Каравелов да е водил своите бележки по време на Сръбско-турската война, тъй като несистематизираното им изложение подсказва, че са били често прекъсвани поради постоянното движение на автора по бојното поле като кореспондент на руски вестници и представител на българските доброволци. Такова едно предположение подкрепя и фактът, че нямайки възможност да си набави хартия, той е използвал излизащите тогава военни бюлетини.

Мемоарите на Любен Каравелов, макар и само като скици, са богати с факти, мисли, предположения и загадки. Някои от тях водят към естествено налагащи се изводи, други ще се уточнят при по-нататъшните проучвания и аргументираните научни спорове. Но и като проект на обстойно замислено произведение те ще дадат на непредубедения читател правдива представа за някои моменти от дейността и мирогледа на автора ѝ.

ДОЧО ЛЕКОВ

¹ Публицистиката на Любен Каравелов, стр. 587.

² Пак там, стр. 304, 331-332, 582.

Несмотря на мое решение избегать всяких знакомств, я завел их бездну. Прежде всего я познакомился с N. Чрезвычайно теплый, добрый и честный, но отчаянно ограниченный человек; Он учился много, видел много, а вышел чорт знает что! NN очень добрый и добронамеренный человек, но (вытерся) светом и жизнью, и потому беззастенчив, как изношенные босанские красные шалавары.

Только в Белграде человек может узнать себя — человек он, получеловек или скотина: если будет страдать в нем — человек; если полюбит жизнь и пожелает жить — будет или безметежным чиновником или <кафаяна> гусь. Публика — господа чиновники и офицеры. . .

Чем больше живу и думаю, тем больше, кровнее, люблю отечество, но начиная сознавать, что это с его субстанциональной стороны, но его внешнее, его действительность настоящая, начинает приводить меня в отчаяние — грязно, мерзко, подло, возмутительно, нахально, нечеловечески.

Неужели у нас только мне одному суждено б(ы)ло добраться до тайны выхода, и поноситься с ней среди вас, подобно Кассандре с ее зловещею тайною, осуждавшей ее на отчуждение и одиночество среди ликующего народа в светлом Итаке!

Очнувшись в грязной, одиночной камере, я нисколько не упал духом, а как будто даже обрадовался тому, что в острожные стены не проникает ни одна из тех плотоядных личностей, которые вчера еще осаждали меня, мучили и нахально залезали грубыми лапами в открытые раны моего сердца. . . „Спасибо тюрьме за эту первую, великую услугу!“ — думал я. Потребность остаться наедине с самим собою особенно сильно чувствуется после взрыва горючих материалов, годами скопившихся понемногу. Но спокойствия тут нет: возбужденная мысль работает в прежнем направлении, нервы раздражены, сон мучителен. Мысль моя зарывалась в безобразной гряде материала, из которого сложилось настоящее мое положение, — но из этой кропотливой работы я никак не мог вынести цельного отчетливого представления о том что такое б(ы)ло передо мною. Я слишком терялся в мелочах, и не умел овладеть смыслом целого; моему анализу недоставало объективности; везде, во всем на первом плане мне являлись торгашество, грошевой либерализм, рыночный патриотизм. ЛК. Везде б(ы)ла видна грязь, которая покрывалась тоненьким слоем напыщенности и самолюбия.

По знакомым улицам мимо меня шлялась будничная, убогая жизнь — шла лаковая¹ барыня с ридикюлем и такой-же лаковой москвой; рассыльный от кассации с повестками; чиновник торговал метлу; кляча везла бутылки, в которых когда то было пиво; старушонки — торговки ругались с девочкой, тоже торговкой; два еврея бежали на рысях, крича во все горло: ...; свинья обнюхивала забор; шпион калякал с бабой. . . „Да вот опять она — пошлая жизнь. . . Не больше смысла, чем во тюрьме... И на что тут свобода? Ради чего мы так дорожим ею?“ Я попал в серию таких маленьких вопросов, к-рые² в самом деле кажутся имеющими какое-то значение, пока не разгонит их один острый луч здоровой, жизненной мысли, или закипевшая тревога; зовущая на дело. . .

Не говоря уже о том, что на С. М. смотрели косо и недоброжелательно, но и я сам (....) как например, Абердар, (...) и др., особенно последний, которого литературные приказания Св. сначала мягко, но потом весьма решительно изобличал; не говоря, наконец, о той вражде; которою навлекала С-ру его критическая строгость со стороны всяких задетых авторских самолюбий, в том числе и самолюбия очень крупных в то время, — Св. встретил не совсем дружелюбно и кружек В. И. Повидимому, он имел с критиком Св. много общего и в здравых экономических теориях, и в суждении о мно-

¹ Зачертано: древняя.
² которые.

гих фактах соврем.¹ литературы, и в восторженном признании новой науки; тогдашние мнения Св. были таковы, что, повидимому, не должны б(ыли) вызывать со стороны либералов особенных возражений ни по экономическим, ни по общественным предметам; в литературном отношении Св. пытал такую же антипатию к компании NN., тем не менее, инстинкты были различны, и Св. не имел здесь сочувствия. Партия либералов б(ыла) равнодушна² к социальным вопросам. . . Но б(ыла) и другая причина не-сочувствия: в Владимировой кружке продолжали заниматься иногда совершенными пустяками; Владимир, с некоторым чувством самодовольствия отстранялся от литературной борьбы, а вместе с тем и по умственному складу своих членов не склонен был к тому беспокойному и страстному критическому духу, к-рый³ не думал останавливаться перед какими-нибудь авторитетами; в кружке как будто предчувствовали, что эта страстная пытливость может некогда прийти и к таким смелым решениям, которые он уже никак не мог бы разделить. Так это после и случилось.

В этот год только что появилась история Б., дышащая новою, небывалою художественностью. Как действовал он тогда на все юношество, и в особенности на оmlадину! Помню я то впечатление, какое она произвела. Что может равняться радостному сильному чувству художественного откровения? Как освежало, ободряло души всех! Как оно оживляло и двигало общество.

Белград и новосадские знаменитости принимали Телечкого с снисходительным вниманием, к-рое⁴ только очень редко бывало и настоящей оценкой явившегося перед ними дарования. Но у Телечкого не б(ыло) недостатка в уме, если и б(ыл) недостаток в образовании: предполагаемый простак и недоучка больше понимал вещи и людей, чем вероятно от него ожидали; он не ослеплялся авторитетными именами и догадывался о действительной их цели. Дело в том, что Телечки, при всей бедности своих познаний и темноте теоретических мыслей, пытал однако⁵ стремления и идеалы, гораздо более серьезные и искренние, чем большинство знаменитостей, которые хотели его покровительствовать. С другой стороны, воспитанный в слишком практической среде, он вынес из нее ту сметливость, к-рая⁶ верно указывала ему реальную подкладку красивых фраз и научала не даваться в обман. Эта последняя черта б(ыть) может, была развита в Т. даже более, чем можно было бы желать — это б(ыл) след той школы, к-рую⁷ он проходил с детства в своих делах.

К Б. вы едете — не только это хорошо, но вам нужно там быть, сказал он мне. Пусть он в первый раз вас не очень ласково примет, пусть многие будут смотреть на вас презрительно; пусть говорить будут и то и се — бог с ними: ничего не сделают.

Б. всегда являлся самым деятельным помощником в нуждах студентов, самым энергическим заступником в их бедах и напастьях перед светом. Н. принадлежал к числу ученых 30—40 годах; на тогдашнем мирозерцании он остановился и не пошел далее; с тогдашними воззрениями на все он и остался. Н. читал М. довольно сносно, а Л. К. уже совсем плохо. О. был человек добрый, а главное, какой-то забитый или надломленный, а потому и делом своим занимался спустя рукава. А между тем этот человек был и образованнее, и учнее современных ему, профессоров-словесников. Он опустил от расстройства своих семейных дел. К чести Г. надобно сказать, что он, не принося пользы никому не делал ни малейшего и вреда, — достоинство, конечно, отрицательное, но все же достоинство, сравнительно с теми мелочными, нередко злобными придирками к учащейся молодежи, которыми любят высказываться люди, подобные Н., или невежест-

¹ современной

² зачертано: чужда

³ который

⁴ которое

⁵ зач: одного

⁶ которая

⁷ которую

венная посредственность и пустая бездарность, которой не мало встречается в учебных заведениях. К одной категории с N, принадлежит профессор В., воспитаник К.У., почему-то докончивший свое образование в Германии, по крайней мере в совершенстве владевший языком этой страны, что однако не мешало ему ничего не делать, быть плохим профессором и мучить студентов своими записками, переходящими из ряда в ряд, в которых определение логики и психологии излагалось на несколько страницах, и притом языком убийственным.

Г. обещал много, а работал мало. Но читатель ошибется, если на основании сказанного нами сделает такое заключение, что Г. был большой труженик, но мало даровитый, если только и совсем бездарный профессор. Напротив, человек этот был замечательно способный к научной, литературной работе. Он не мало написал, но мог бы написать десят раз больше, если бы не был ленив до бесконечности, или точнее если бы мог долго и усидчиво работать. Все свое свободное время (а оно было всегда свободным) он убивал на карты, предаваясь игре в преферанс с несвойственным ему энтузиазмом. ЛК.

Он был образцом труда, простоты, честности, добродушия, поистине редкого. Благодушный Б. помогал каждому, чем мог, всеми своими скромными средствами, материальными, научными, основанными на служебном положении и житейских отношениях. Я хорошо знал Б. как человека сблизившись с ним в 1867 году в Белграде, когда он был профессором гимназии. Его убивает смерть сына. ЛК. Мы коротали с Б. длинные летние дни и просиживали короткие ночи в беседах о том-о-сем, о том, что творилось в тогдашнюю всем памятную пору, когда прогрессивная мысль осуждалась на продолжительный застой и когда домашняя жизнь честных людей держалась на волоске. Меня, тогда еще молодым человеком, Б. дружески успокаивал и ободрял на житейский трудовой путь и советовал бороться честно и . . . ЛК. Некоторые молодые люди плакали, слушая эти слова (Омладинская скупщина). Речь Бошковица (. . .) и Куонджич (. . .) скупщины.

Слабые натуры возвращались назад. Вот почему кроме отдельных брошюр, заимствованных из чужих сочинений, почти всегда скромных размеров и еще более скромных по внутреннему достоинству, мы не видим ни одна военная книга, которая бы заслуживала серьезного внимания. Многие из более ученых офицеров по десятку и более лет все собирали материал для своей науки, изучали народ и его потребности, изучали бог знает что, да и так отошли бог весть куда ничего не сообщивши; другие извлекали ЛК (. . .) из чужих сочинений, а не потрудились изучить топографию своей земли; третьи, в своих трудах не пошли дальше некоторых переводов. ЛК.

Сербский студент является крайним идеалистом, но с несколько сентиментальным оттенком; он постоянно мечтает о деле, а целый век остается без дела. Новосадские ученые даже гордятся своим идеализмом, ленью и пустотой, называя всех работников «чуждыми людьми», хотя их идеализм большею частью вырождается в какое-то сентиментальничанье, в фразерство, в неумение взяться за серьезную работу. И так, главный недостаток академии заключается в том, что давая своим питомцам разные сведения о французской, австрийской, прусской и русской армиях, не давала им главного, не приучала их к серьезной работе, т.е. мало заботилась о том, чтобы научить их прилагать к делу приобретаемые сведения. Оттого то в словах генерала Черняева, против сербских офицеров, по поводу их неприготовленности к делу, заключается, к сожалению, значительная доля правды. Я думаю, что если бы человеку не было суждено есть и пить, если бы голод и холод не толкали его делать что-нибудь, то новосадские ученые бы преобразились в лежебоки и . . . Главная преграда, которая стоит между них и Гончаровского Обломова заключается в том, что последние не имеют двести душ крестьян и что имеют исключительную слабость к женскому полу. . . ЛК.

Чтобы действовать успешно против неприятеля, конечно, мало было одной ловкости и сметки. Мы можем решительно объявить, что Лешанин отличается живым и

бойким умом, в образованности и начитанности; но он не был полководцем и на войну смотрел как на аудиторию, а на солдат, как на кадетов. Один из офицеров, подполковник Н., сидя перед кафе-ресторантом, рассуждал, что главнокомандующий не знает своего дела, что офицеры негодны, что солдаты оставлены без дисциплины и что за все это нужно отвечать перед народом. „Да, господин подполковник, вы имеете полное право, и если народ когданибудь осудит Лешанина и его офицеров на хлеб и воду, вас непременно повесит“, — сказал Васич. Своим образом жизни, свою пуританскую честностью и обширную ученостью Н. заслужил уважение студентов и имел на них громадное влияние.

Путь реформы становился все более и более невозможным, разразилась революция.

Если в Шафарике существует частица „духа, а не только одно тело, то в Стояне Бошковице непременно должно быть какое-нибудь тело, а не только одно тело“.

Борьба Бошковича против ретроградства не осталась бесплодной: еще в 1867 году большая часть студентов преобразилась окончательно. Весь преданный своему предмету, очень плохой знаток житейской мудрости, пламенный поборник добра и непримиримый враг зла во всех его видах, больной и довольно часто раздражительный на всех и на вся, Бошкович однако всегда был ровен со студентами и справедливо назывался „добрым и честным человеком“, что редкие на свете могли приобрести такую завидную титулу. Хотя, порою он и обращался к некоторым студентам с горьким и даже суровым словом, но всегда бывал прав в подобном отношении. Мы встречали не раз первых учеников Бошковича уже, как говорится, под вечер их жизни.

При имени этого профессора самое суровое лицо оживлялось, самые молчаливые уста высказывали благодарные, теплые речи — такова была нравственная высота этого замечательного человека, этого **учителя** в полном смысле слова идеальный образ, образ которого вы не найдете ни в одном романе. Каждый трудящийся, каждый занимающийся студент находил в скромной квартире Бошковича дружеский прием, а в самом нем — опытного, искреннего и разумного помощника и советника, предлагавшего к его услугам и свою библиотеку, и все свои обширные ученые средства, даже и своего кошеля, который наистине был очень тощ. Но Б. косился на студенческий дилетантизм и преследовал в студентах шарлатанское отношение к знанию, преследовал откровенно, хотя и не ожесточенно, не с тою неумолимостью как это он делал по отношению к некоторым профессорам, напр. к (...) <Б>, бездарному и жалкому педанту. По этой причине, всякая бездарность и всех видов шарлатаны ненавидели Б., как живое воплощение совершенно противоположных свойств. Студентов боявшихся его было не мало, но ненавидящих — ни одного.

В противоположность сосредоточенности Б., натура К. была в высшей степени экспансивная, страстная, если угодно, — широкославянская, ибо он любил и общество, и живую беседу с людьми, любил, кажется, и хорошо пожить. На его вечеринках, которые, сказать правду, бывали часто, бывало множество людей всех сортов и убеждений, без малейшего национального, вероисповедного и партийного различия. В эти дни обыкновенно молодежь, в шумных манифестациях, высказывала свою преданность любимому профессору. Популярность О. была очень велика и вполне заслуженная, но он ее не искал и не популярничал: он заслужил ее своими дарованиями, лекциями, симпатичностью своего характера и возвышенным образом своих мыслей. О. был едва ли не даровитее П., хотя и уступал ему в эрудиции, в средствах которыми он располагал, как ученый, и в трудолюбии; впрочем ученые средства О. были все еще замечательно велики.

При очень малом росте, К. был отлично сложен, красив собою и владел необычайно сильным и симпатичным голосом, переходившем от мягких звуков альты в густой баритон; во всей его маленькой фигуре замечателен был лоб и хотя желтые, но бросающие искры глаза.

А. ничего не сделал: слушатели его выходили из в. школе такими же плохим, психологами и логиками, какими б(ы)ли и при вступлении. А. был не только оратор, но и поэт. На студентов А. влиял не-как ученый, но как поэт и оратор. ЛК. Как бы то ни было, но Г. был более любим чем К. Б. не любил чтобы ему кланялись, и сам никогда не кланялся¹.

Я никогда не обижался критикой, лишь бы она б(ы)ла добросовестна. Брань константинопольских газет меня никогда не тревожила; я презирал глупцов. Не умолчу, что я, как человек, немножко самолюбив; но самолюбие мое никогда не ослепляло меня до того, чтобы беситься за указание моих погрешек, лишь бы это б(ы)ло сделано добросовестно, не оскорбляя моей личности.

Это потому, что бог покарал меня самого зазорного охотою высказывать свои мнения о литературных явлениях и вопросах жизни. Но, по моему² мнению, не только лучше молчать и нуждаться, но даже и сгнать со свету, нежели говорить не то, что думаешь, и спекулировать на свое убеждение.

А. б(ыл) человек с известной начитанностью, но его литературная деятельность на первых же порах показала страстный взгляд на вещи и страсть к высокопарному, фразистому изложению, при том за риторикою от него часто ускользала самая мысль. Н. утешался тем, что существует в Б. еще один человек, „около к-раго¹ собираются люди с предрассудками, т.е. не соблюдающиеся золотым тельцом и имеющие глупость смотреть на искусство, как на святыню.“

— „Я знаю, что меня назовут льстецом, подлецом и низким человеком, — говорил Б. — что, я кувыркаюсь перед властями. . . Пусть их, я не боюсь открыто и прямо высказывать свои убеждения, что бы обо мне не говорили. . . Да, это мои убеждения и моя вяра. Я не откажусь их, я горжусь своим новым положением. И что мне дорожить мнением — то чорт знает кого? Я только дорожу мнением людей честных и друзей моих. Ни один честный человек не заподозрит меня в лести и подлости. Против моих убеждений никакая сила не заставит меня сказать „да“. . . они знают этого. . . Посмотрим кто меня подкупит? Если ктонибудь скажет вам противное, тот меня не знает“. Лицо его б(ы)ло бледное.

„Клянусь вам, что я ни в чем невинен. Вот вам мою оставку. Ее не приняли. Мне легче умереть с голоду, я и без того рискую. Этак умереть каждый день, чем затоптать свое человеческое достоинство; унижить себя перед кем бы то ни было, или продать себя. . .“ „Хороши же и мои приятели!“ — сказал он с ожесточением и с болью на сердце.

При всем крайнем несогласии с мнениями кружка Св. Марковича, Б. был однако гораздо ближе к нему, чем к старым глупцам-педантам. Когда последние стали проповедывать крестовый поход против так названных „комунцев“ для Б. не было возможности идти рядом с <водителями>, хотя он прежде и написал своих обличений.

Я в этот день вел себя очень неприлично, возбуждал студентов быть энергичными, говорил им о обязанностях человека и славянина и пр., которые для ужас полиции звучали государственной изменой, и только что я возвратился домой, напевая песенку, добрый мой соотечественник цинцарин Стефан из Адрианополя уж дождался меня и объявил мне со стороны г. Барловца, чтобы я оставил город в продолжении 24 часов. ЛК. Я не имел времени ни собраться в путь, ни проститься с моими друзьями.

Властвовать в теории — не дурно, но когда на практике приходится не властвовать, а подчиняться другим для достижения своих целей, то, право, придешь к тому заключению, что лучше оставаться в тени, но быть свободным.

Эти агенты разносили по всей Сербии злость и желчь против всего священного и честного. Глухое, лукавое и мстительное раздражение этих людей имело источником ту же причину.

¹ которую

Министр внут(ренних) дел N. в частной жизни совсем не глупый и очень честный человек, доказывал своими беспрестанными бестактичностью, в какое безвыходное положение б(ыло) поставлено правительство. Так как это положение б(ыло) совсем не-лепо, то министр не терпел, чтобы о нем рассуждали. Поэтому он ничего лучшего не придумал, как терроризировать газеты, пользуясь и злоупотребляя... Я нисколько не преувеличиваю, говоря, что печать б(ыла) не свободнее в его время, чем в самые суровые времена. ЛК. Критика. Военный суд, хотя и вовсе не расположенный к снисходительности, вынужден б(ыл) освободить множество лиц, арестованных ни за что, ни про что. Другие б(ыли) осуждены.

Когда какое-нибудь правительство рухнет совсем внезапно, при взрыве всеобщего негодования, как это случилось с министерством убиенного князя, то превышение власти со стороны различных должностных лиц бывает неизбежно. Но мне казалось жестоким, по истечении четырех лет, подвергать строгой каре законов людей за пошутки, совершенные в минуту увлечения и без всякой преднамеренности.

Было бы вполне несправедливо назвать его человеком бездарным, однако из тех дюжины посредственностей, к-рым¹ удастся, выкупая нравственными качествами умственную ограниченность, приобрести довольно видное место в истории. N, напротив, необходимо признать необыкновенно умным и талантливым деятелем трудившимся всегда с бескорыстным стремлением принести посильную пользу обществу, и при том чужим тем мелочным, эгоистическим побуждениям, которые кладут много темных пятен на память самых гениальных исторических личностей. Все несчастье N заключается в том, что он не всегда верно угадывал истинные потребности общества, и что в своей политической деятельности он проявил слишком мало смелости, энергии и самоуверенности. Никто еще не думал отрицать в нем способности и доброй воли, но никто также не думал придавать им большого значения.

В теории самая совершенная форма есть круг, самое твердое направление — прямая линия. Но попробуйте заковать жизнь в заколдованный круг или прорежьте через ее живое тело прямую линию к какой бы то ни было высокой цели, вами задуманной: в итоге, вы или погубите жизнь, или не найдете вашей цели на той точке, к к-рой² двигались. Точка эта отодвинется далее или унесется движущейся волною жизни куда-нибудь далеко в сторону.

Интерес общества состоит не в том чтобы правительство непременно уступило свое место другому, а в том, чтобы оно не делало ошибок. Общество не может и не должно разыгрывать роль прекрасной царевны, обманной решить которого из двух соперников ей следует сделаться рабою. Обществу нужны не женихи, а слуги, и чем более соревновании между соперниками, предлагающими ему свои услуги, тем для него лучше. Пусть они ревнуют, наблюдают друг за другом, пусть каждый из них старается затмить другого блеском и ловкостью услуг — все это послужит на пользу общества, лишь бы только дело не доходило до потасовки. По несчастью, общество устроено так, что дерущиеся слуги его суть в то же время живые члены его собственного организма. Каждый клочок волос, вырванный друг у друга, каждая капля крови, пролитая ими за прекрасную царевну, все это берется из ее же божественного тела. Нельзя не сознаться, что в подобные минуты положение этой общей возлюбленной становится весьма неприятным и даже критическим: ее русые косы треплются без милосердия, ее платье забрасывают пылью и грязью, ее белое тело точит алая кровь: но ей говорят, что все это делается для ее же будущего благополучия — для того, чтобы иметь право зачесать ее головку по последней, най-лучшей моде, умаслить ее тело благовонным елеем мира, одеть ее члены в наиболее мягкие и удобные одежды³.

¹ которым

² которой

³ Следва зачертан пассаж

Для того, чтобы хорошо управлять, говорит Курсель Сенейль, надобно иметь ясную идею и цели, к к-рой¹ стремишься, и о средствах к ее достижению; надобно иметь энергическую волю, **большое знание жизни и людей**. Чтобы хорошо исполнить общественные обязанности, надобно обладать здравым рассудком, умом возвышенным, тонким, терпеливым, способным понимать и хорошо схватывать чрезвычайно сложные отношения и законы общественного механизма; надобно б(ыть) деятельным, бодрым иметь силу характера и наконец, более всего, надобно обладать живым чувством долга, заставляющим общественного деятеля **служить интересам других точно так же как люди служат своим собственным интересам**. Большое знание жизни и людей нужно, и готовность служить общественным интересам, как своим собственным! Где же эта школа, к-рая² может дать будущему администратору то знание и то чувство долга?³

Что же я такое? — размышлял я. — Службу не имею и не искал ее никогда.. Куда же идти, за что приняться? Умел бы я пахать — ушел бы в работники; имел бы здоровые, несокрушимое, да силу нечеловеческую — на пристань пошел бы, за лямку бы взялся; а то — ни сил нет, ни умения нет. . . Ведь я хуже каждого нищего. Нищий спросит, потому что это, так сказать, его искусство — из любви к искусству, а на мне вот — пальто модное: мне совестно просить. . . разве, когда уже нечего кушать будет, извалю на плечи шарманку, тешить публику стану. . .

Что, например, низкого в том, что чл-к⁴ возымел надежду занять видное место, благодаря к-рому⁵ представилась бы ему возможность полезной для страны деятельности, особенно если этот человек сознает, что он обладает именно теми свойствами, к-рые⁶ необходимы государ(ственному) мужу. Давно уже, при помощи публицистики, он приобрел ту самоуверенность, к-рая² необходима человеку, облеченному сильной властью, и знает безошибочно, что надо предпринять для благосостояния своих соотечественников. Все это чувства высокие и благородные; в чем же можно заподозрить и упрекнуть его? И он сам не только не упрекает себя, но, ставя себя на высоту, недоступную для мелкого люда, пророкует оттуда будущие судьбы своего народа. Не есть ли прямая обязанность публицистов указывать на те энергические меры, к-рые⁶ должны быть предпринимаемы для уничтожения этого умственного пролетариата.

¹ которой

² которая

³ Зачертания пасажа завершенна

⁴ человек

⁵ которому

⁶ которые